

Меч Бацзи вернулся к Цзян Цзинсину, а массивные городские ворота с грохотом захлопнулись. Поскольку Пинчэн был местом, где глава племён останавливался во время осенней охоты, внутренние ворота города были построены особенно прочно, чтобы защититься от тех, кто мог бы воспользоваться охотой для захвата власти. Судя по всему, преследователям придётся изрядно потрудиться, чтобы преодолеть их.

Се Жунцзяо невольно подумал, что у главы племён, построившего эти ворота, явно были проблемы с головой.

Глава племён не был из Девяти Областей, и он не отвергал несправедливые завоевания, но считал, что для захвата власти нужно найти благородный повод, чтобы прикрыть свои действия.

Кто сильнее, тот и становится главой племён. Какая разница, когда именно захватывать власть? Почему это должно происходить только во время осенней охоты, когда это разрешено? Разве нельзя сделать это в любое другое время?

Как, например, нынешний глава племён, который только что пал от меча Цзян Цзинсина. Он захватил власть у своего старшего брата не во время осенней охоты.

Они убили множество людей, и количество жертв, павших от их мечей, могло бы составить население целого процветающего города. Прошло всего лишь время, достаточное для того, чтобы выпить чашку чая, с тех пор как глава племён погиб.

Внешний город был куда спокойнее. Хотя некоторые люди считали их подозрительными и пытались атаковать, нарушая комендантский час, это всё же было лучше, чем быть преследуемыми тысячами людей.

Цзян Цзинсин снова использовал свой старый трюк, чтобы открыть ворота внешнего города.

Количество солдат, охранявших внешние ворота, было несравнимо с теми, кто стоял на внутренних. Большинство защитников находилось именно здесь, и они полагались на скорость и неожиданность.

Командир, стоявший во главе, успел среагировать, но у него не хватило времени, чтобы собрать солдат и осыпать их стрелами. Вместо этого он с серьёзным выражением лица отдал приказ готовиться к бою.

Вдалеке раздался грохот копыт, поднимающих облака пыли с жёлтой земли.

Звук копыт был подобен прибою, бьющемуся о берег, и настолько громким, что заглушал всё вокруг. Тысячи всадников в чёрных доспехах мчались вперёд, сохраняя безупречный строй, несмотря на скорость.

В мгновение ока они приблизились настолько, что командир смог разглядеть лицо женщины в красном, ехавшей впереди.

Каждый раз, когда армия Гуйюань шла на штурм, Се Жунхуа всегда была впереди, без шлема и доспехов, в красном платье, на красном коне, с мечом, который не знал поражений.

Подошедшие войска были самой элитной и устрашающей частью армии Гуйюань — Чёрные Доспехи.

Чёрные доспехи мог надеть кто угодно, но та кровавая жестокость, которая исходила от них и резала глаза командиру, была уникальной. Такой больше не было ни в одной армии в мире.

Тёмный цвет доспехов был как самый глубокий кошмар для армии Восточной Пустоши. Они не хотели признавать, что боятся, но страх был настоящим, и он заставлял их покрываться холодным потом.

Солдаты изо всех сил старались закрыть ворота, которые Цзян Цзинсин только что открыл, прежде чем Чёрные Доспехи успели войти.

Се Жунхуа остановила коня у ворот и, обернувшись, громко спросила:

— Скажите мне, после сегодняшней битвы сможем ли мы включить Пинчэн в состав Девяти Областей?

Тысячи Чёрных Доспехов ответили хором:

— Сможем!

Их голоса взлетели к небесам, и никто не сомневался.

С момента смерти главы племён прошло всего мгновение. В королевском шатре царил хаос, большинство из двенадцати племён уже бежали, но внешний город всё ещё был хорошо защищён.

А в королевском шатре, где царил хаос, стоял добродушный старик в конфуцианской одежде. Он не боялся остатков разрушительной энергии меча, оставшейся после смерти главы племён, и даже с интересом рассматривал его голову, на которой застыло выражение недовольства.

Старик улыбнулся и с сожалением произнёс:

— Цзян Цзинсин был прав. Выбор союзников — это очень важно. Если у тебя плохо с глазами, то кого винить?

Он протянул руку к груди главы племён и, с лёгкостью преодолев неуязвимость тела, достигшего этапа Небесного Человека, вырвал его сердце.

Старик поднял сердце к лунному свету, осмотрел его и, улыбнувшись ещё шире, осторожно достал бутылку, чтобы собрать кровь из сердца главы племён, словно это было сокровище, не имеющее аналогов в мире.

Неужели их, Сижунуов, усилия двух поколений, потраченные за двести лет, не были таким сокровищем?

Старик посмотрел на юг, в сторону Хаоцзина, и в его глазах появился блеск. Он тихо пробормотал:

— Наконец-то мы сможем достать это сокровище.

Он хотел посмотреть, кто из Девяти Областей, Южного региона, Северной Чжоу, одного города, двух армий, трёх сект и четырёх кланов сможет его остановить.

— Сестра, ты выяснила, кто в армии Гуйюань передал ложную информацию брату Юю?

После захвата Пинчэна Се Жунхуа без остановки перемещалась между лагерем и городом, продвигая линию фронта вперёд.

Пока двенадцать племён выясняли отношения, новый глава племён был возведён на престол в Королевском городе. Он внезапно осознал, что, если будет продолжать внутренние раздоры и позволит Се Жунхуа действовать, Восточная Пустошь станет историей ещё до того, как он укрепитя на троне. Он поспешно собрал армию и лично возглавил поход на Пинчэн, где столкнулся с Се Жунхуа.

Тем временем в Хаоцзине императрица Цзян и наставник государства подавили восстание князей. Дом Чжоу вернулся с северной охоты раньше времени, и Цзи Хуан взойшёл на трон нового императора Чжоу.

Вскоре после его восшествия на престол пришла новость о великой победе на северной границе, что было куда более убедительным, чем любые небесные знамения. Хаоцзин был охвачен радостью и празднованиями по случаю восшествия нового императора.

Императрица Цзян, переполненная радостью, отправила в армию Гуйюань большое количество провизии и не забыла написать письмо, лично упомянув Цзян Чанланя, который отличился в боях, и приказала ему вернуться в Хаоцзин для встречи.

Казалось, что солнечный свет озарил боевую колесницу Девяти Областей, направляя её неудержимо к мифическому Ланьгао.

Однако на этой колеснице всё ещё было несколько ослабленных гвоздей.

Один из них находился в армии Гуйюань.

Се Жунцзяо даже не предполагал, что расследование возможного предателя в армии Гуйюань приведёт к таким грандиозным событиям. Он временно забыл о первоначальной цели, и только когда дела на Северной Пустоши успокоились, он вспомнил о ней.

— Выяснила, — ответила Се Жунхуа с безразличным тоном, словно то, что она собиралась сказать, не было чем-то важным. — Это был человек, присланный отцом.

На мгновение воцарилась тишина, прерываемая только звуком ветра, развевающего флаги перед шатром.

Но Се Жунцзяо был удивительно спокоен.

Он протянул руку, словно хотел поймать порыв ветра в ладонь, а затем, держа этот ветер, ухватиться за тёплый и влажный летний ветерок, который он ощущал два месяца назад на вершине горы Фэнлин, когда разговаривал с Цзян Цзинсином.

Ветер не мог преодолеть тысячи ли, разделяющих их, или пройти сквозь время и пространство.

Но чувства могли.

— Люди остаются людьми благодаря тому, что возвышается над жизнью.

— Например, любовь, вера и справедливость.

Се Жунцзяо снова раскрыл ладонь, позволив ветру унести прочь:

— Сестра, я верю тебе и отцу, поэтому я верю, что ты веришь отцу.

Его глаза были ясны, как луна, которая редко появлялась на Северной Пустоши, и как горный источник — чисты и непоколебимы.

— Я знаю, что отец не может снять с себя подозрения, но я верю ему, поэтому после этого я хочу отправиться на Западную Пустошь, чтобы найти доказательства.

Он верил Се Хуаню, и поэтому верил, что в мире должно быть что-то, что докажет его невиновность.

Все делается людьми, и ничто не может быть идеально скрыто.

Се Жунхуа тихо сказала:

— Я верю в себя, поэтому я тоже верю отцу.

В этот момент они, такие разные, были больше похожи на брата и сестру, чем когда-либо.

— Поддельное письмо было слишком очевидным, и за день я выяснила, кто стоит за ним. Письмо действительно было подделано по указанию отца, но этот человек уже давно не был верен армии Гуйюань, и за ним стоял другой — Се Тинбай.

— Предатель думал, что Се Тинбай и отец разделяют одни взгляды, и что Се Тинбай приказал подделать письмо, хотя это было передано через отца.

Что касается того, как заставить предателя в армии Гуйюань поверить, что он и Се Тинбай на одной стороне, Се Хуань, будучи главой семьи Се почти тридцать лет, не мог не обладать определёнными навыками.

После первого шока Се Жунхуа задумалась о том, зачем Се Хуань это сделал:

— Я верю отцу, поэтому думаю, что он хотел специально привлечь наше внимание и передать нам сообщение.

Когда она дошла до этого момента, Се Жунцзяо уже догадался, и образ Лу Биньфэнь, который долгое время не давал ему покоя, начал исчезать:

— Сестра, я не успел тебе рассказать кое-что.

Он кратко и точно изложил события, начиная с демонической энергии в Академии Буцзэ и заканчивая тем, что в городе Фэнлин всё ещё оставалось много неясного. Се Жунхуа подняла бровь:

— Похоже на тот же метод, что использовал предатель в моей армии.

[Нет авторских примечаний]